

Читайте в серии
«Все счастливые семьи»
трилогию
Анри Труайя:

«СЕМЬЯ ЭГЛЕТЬЕР»

«ГОЛОД ЛЬВЯТ»

«КРУШЕНИЕ»

и цикл
Филиппа Эриа:

«СЕМЬЯ БУССАРДЕЛЬ»

«ИСПОРЧЕННЫЕ ДЕТИ»

Филипп Эриа

СЕМЬЯ БУССАРДЕЛЬ

К Н И Г А П Е Р В А Я

ЖИЗНЬ СЕМЕЙСТВА ФРАНЦУЗСКИХ БУРЖУА
НА ФОНЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Э77

Philippe Hériat
LA FAMILLE BOUSSARDEL

Перевод с французского *Наталии Немчиновой*

Иллюстрация на обложке *Марины Парченко*

Эриа, Филипп

Э77 Семья Буссардель : роман / Филипп Эриа ; [пер. с фр. Н. Немчиновой]. — М. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 768 с. — (Все счастливые семьи).

ISBN 978-5-389-26820-3

Со времен крушения Наполеона в одном из роскошных особняков Парижа живет семья Буссардель. Глава семейства Флоран Буссардель — эгоистичный, обладающий холодным рассудком биржевой маклер. Не имея значительных средств, он умудрился обеспечить детям и внукам крепкий финансовый капитал.

Процветающая почтенная семья — такова парадная витрина жизни Буссарделей. Но есть и то, что скрыто от глаз.

Описывая будни своих героев день за днем, Филипп Эриа щедро расставляет по шкафам скелеты, которые то и дело предъявляет читателю. Буссардели не ангелы, они — живые люди. Незаконнорожденные дети, адюльтеры, неприглядные поступки, непонимание и абсолютное равнодушие друг к другу и к человеческим горестям вообще — все это составляет истинную жизнь семейства. Следить за перипетиями судеб героев крайне интересно именно потому, что Эриа, как и его предшественник Бальзак, рисует подлинную человеческую комедию.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-26820-3

© Éditions Gallimard, Paris, 1944

© Немчинова Н. И., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке, оформление

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2025

Издательство АЗБУКА®

I

— Литеры хороши! Превосходно подобраны! — заметил Флоран. — Правда, и фамилия очень удобна для гравировки.

Подняв руку, вооруженную стеклом, он указал на фронтон мавзолея, где на гранитной доске выстроились вырезанные на камне слова, и, отчеканивая слоги, прочел:

— Се-мья Бу-ссар-дель!

Затем добавил:

— Что же ты ничего не скажешь, душенька?

Жена смущенно улыбнулась и промолчала, только устремила взгляд на монумент, вздымавшийся на вершине косогора. Ей еще надо было привыкнуть к нему. Обстоятельства мешали ей приезжать сюда наблюдать за работами, и до сих пор она даже не знала, какой проект выбрал ее муж. Уже столько месяцев она, как и многие-многие другие, вела мучительное существование.

Гробница, возвышавшаяся перед нею, подавляла ее своей величественностью и великолепием. Каждая

деталь отделки выделялась при свете утреннего солнца с бесцеремонной яркостью, свойственной новым вещам. Тут было много лепных украшений и символических барельефов, скомпонованных по моде тех дней: пальмовые листья чередовались с песочными часами, выпуклые гирлянды соединяли меж собою античные урны, пылающие опрокинутые факелы и даже каменных сов. Двустворчатая дверь без приступка на вид была чрезвычайно тяжела, словно отлита из бронзы. Дивясь такому высокому искусству и такой пышности, молодая женщина вспомнила о могилах своих родственников в Турени, похороненных у стены сельской церкви, таких скромных могилах, даже без склепа. Простые холмики, обложенные дерном, окруженные решеткой, к которой она в годы детства всегда привязывала на Вербное воскресенье освященные ветки самшита.

Зато для нее самой местом последнего упокоения будет вот этот большой величественный мавзолей городского кладбища, поражающий взгляд. Это сооружение было мерилom теперешней ее оторванности от прежнего существования. Подумать только! Почивать вечным сном ей придется именно тут, в этом маленьком дворце!

— Ты онемела от удивления?

— Да. — И тут же она спохватилась: — Но ведь это сущее безумие, Флоран!

Она знала, что мужу приятно слышать упрек такого практического характера. Он ответил назидательным тоном:

— Отец так пожелал. И мне тоже захотелось. Для своей семьи мне ничего не жаль.

— Друг мой, но ведь вся наша семья состоит из двух дочек.

— А разве у нас больше не будет детей?

Лидия ничего не ответила, только покраснела. По дорожке шел десятник показать заказчикам, как хорошо закрываются двери склепа, и Лидия отвернулась, чтобы не заметно было ее смущение; муж взял ее за руку, тихонько сжал ей пальцы, супруги Буссардель, рука в руке, подняв голову, стояли неподвижно у порога еще пустой гробницы, словно у врат своей судьбы.

II

Когда Флоран все осмотрел, исследовал, одобрил, он поманил десятника, и тот опять подошел.

— Ну что ж, любезнейший, если мой отпуск продлится, а, наверное, это так и будет, я заеду на этой неделе к вашему хозяину и рассчитаюсь с ним. Скажите ему, что я буду у него на днях, и передайте, что я доволен работой.

Флоран взял под руку жену и пошел прочь от мавзолея. На гребне косогора валялись доски, нетесаный камень, всякий хлам и мусор, оставшийся от недавних строительных работ. Боясь разорвать прюнелевые башмачки, Лидия попросила мужа обойти стороной и спуститься вниз, на дорожку, огибавшую пригорок. Десятник, держа шапку в руке, шел позади заказчиков. Он предложил проводить их до ворот. Вокруг еще росло много деревьев, — управление городскими кладбищами производило вырубку только на

проданных участках, и посетителям, не знакомым с местом, нередко случалось заблудиться на этой бу-
гристой лесной поляне.

Все трое спустились вниз — на мгновение в конце просеки открылась панорама Парижа. Флоран, не гнушавшийся разговорами с мелкой сошкой, расспрашивал старика десятника, кто уже похоронен в этой части кладбища. Он удивился, узнав, что тут находится могила мадемуазель Клерон, с некоторым удовольствием услышал, что близким его соседом будет герцог д'Абрантес. Умудренный уроками времени, полного контрастов, не зная, каких новых воззрений вскоре надо будет держаться, Флоран Буссардель считал благоразумным проявлять строгость в вопросах нравственности и широту взглядов в области политики.

Мысли его опять обратились к мавзолею, носившему его имя.

— В общем работа кончена в срок, — бросил он на ходу. — Удивительное дело! Нынешние события совсем не отразились на такого рода предприятиях!

Десятник сообщил, что он сидел без работы недели три самое большее. Мастерская закрылась в середине июня, а в начале июля работы возобновились, причем число рабочих не уменьшилось. С того времени, как его молодых подмастерьев забрали в армию, наняли стариков каменщиков, а в качестве подручных приставили к ним учеников, молокососов лет по пятнадцати. Благодаря этому и удалось выполнить в срок заказ. Так-то оно лучше! Пока армии уничтожают друг друга на полях сражений, пока нации вторгаются во владения других наций, пока на

головных уборх меняются кокарды — разве для повседневной работы и в деревнях и в городах не требуются рабочие руки?

— Умные речи приятно слышать, — заметил Флоран. — Нашей многострадальной стране очень нужна энергия всех ее детей, и все они от мала до велика обязаны помогать ей.

Говоря так, он имел в виду себя. Счастливого уцелев в последних боях, считая себя в долгу перед провидением, он жаждал поскорее вернуться к штатской жизни, а штатской жизнью была для него служба в Казначействе. Мысленно он уже возвратился туда. Хотя официально его еще не освободили от военной службы, он уже надел в тот день свой синий суконный фрак и цилиндр.

Сунув руку в жилетный кармашек, он извлек оттуда монету и дал десятнику на чай. Тот вывел их к заставе Онэй. Поджидавший на стоянке кабриолет отделился от вереницы экипажей и подъехал к супругам Буссардель. Кабриолет они наняли на все утро, выйдя из церкви два часа назад.

Кладбище, открытое лет десять тому назад, на холме, где у преподобного отца Лашеза был выстроен загородный дом, находилось за чертой города, никакие маршруты «кукушек» не доходили до него, и доехать туда можно было только в извозчикьем экипаже; в честь знаменательного дня возвращения к домашнему очагу молодой супруг не пожелал нанять ни фиакр, ни полузакрытое ландо, а взял открытый кабриолет, который, подпрыгивая на булыжной мостовой, быстро довез седоков от церкви Сен-Луи д'Антен до некрополя — вся дорога заняла около

часа, ехать пришлось по бульвару, озаренному веселыми утренними лучами солнца.

Для того чтобы и обратный путь походил на приятную прогулку и обошелся дешевле, извозчику велели ехать другой дорогой. Он возвратился в город улицей Ра, потом проехал по улице Мюр де ла Рокет и, свернув наконец на улицу Сент-Антуан, двинулся по ней. Супруги Буссардель направлялись в сад Тюильри, где их ждали дочери, игравшие там под присмотром няни.

Путь был долгий; начиная с улицы Сент-Оноре, движение по случаю воскресного дня сильно увеличилось. В золотистой пыли, пронизанной солнцем, под цоканье копыт двигались роскошные коляски, которые кучера только недавно выкатили из каретных сараев, а попеременно с ними гарцевали на конях офицеры оккупационных армий. Весь этот поток устремлялся к Елисейским Полям, где стояли бивуаком казаки, или к аллее, огибавшей Марсово поле, где разместились пруссаки, или же к Булонскому лесу, где войска Веллингтона разбили свои палатки. Строго распланированный английский лагерь, вокруг которого выросли, как грибы, всякие лавчонки, привлекал тех, кто еще располагал лошадьми для такой далекой прогулки. В последние погожие дни осени так приятно было прокатиться в Булонский лес, да еще и удовлетворить свое любопытство.

Всю улицу запрудили экипажи. Извозчику пришлось плестись шажком. Рессоры мягко покачивали седоков. Лидия уютно устроилась в уголке кабриолета и, просунув руку под локоть мужа, сидела тихонько, отдавшись какому-то сладостному чувству отдох-

вения. Все было так хорошо: эта утренняя прогулка, теплый воздух, это пестрое зрелище, мелькавшее перед глазами, и эта удобная коляска, после пережитых ужасных дней — июнь, июль, август, — когда на страну обрушились все несчастья разом, когда, казалось, почва уходила из-под ног, когда каждый в душе прощался с дорогими своими близкими и с самыми необходимыми благами, и со своей собственной жизнью. Но вот все кончилось: горячо любимый муж вернулся к ней живым и невредимым, она сберегла детей, ее родители, оставшиеся в Турени, находятся в полном здравии и благополучии — словом, Лидия Флуэ, супруга Флорана Буссарделя, чувствовала себя счастливейшей из женщин, и сердце ее переполняла великая благодарность судьбе. Ах, пусть другие, пусть неудачники плачут и сетуют, пророчествуют родине черные дни. У нее не сорвется с уст ни единой жалобы, ибо ей-то не на что сетовать.

Совсем рассеялось и то странное чувство, которое она испытала сегодня утром, стоя у чересчур роскошного мавзолея... Что поделаешь против таких резких перемен в расположении духа!.. Но все прошло. Ведь важнее всего, что Флоран с нею, Флоран вернулся и, наверное, уже навсегда. Теперь его уже не отнимут у нее. Покончено и с рекрутчиной, и с народным ополчением, и с внезапными призывами в действующую армию. Все миновало, все кануло в прошлое. Матери избавились от тяжелой муки, жены вздохнули с облегчением: больше не будут убивать сыновей и мужей. Племя мужчин, более десяти лет жившее в разлуке с племенем женщин, ныне соединится с ним, и к племени женщин вернется сон.

Лидия закрыла глаза. Она полна была ликования и усталости. Ведь впервые за многие месяцы, можно сказать за долгие годы, она могла спокойно наслаждаться счастливым мгновением. Не надо бояться, что страшная действительность напомнит о себе. Пришел конец тем дням, когда она жила как затравленный зверь, вздрагивала при малейшем шорохе, с ужасом открывала глаза в ночном мраке, вслушивалась в тишину. Для нее война кончена. Теперь она уже не будет искать зловещего смысла в самых обычных вещах: почему вон тот мужчина так быстро проходит через площадь? Что он узнал? Отчего грохочут колеса обозженных телег на дороге? Что значит этот стремительный топот копыт, этот лай собак? Теперь не надо тревожно вглядываться в лица прохожих, принимать к запахам, которые приносит ветер, всматриваться в багровые отсветы, окрашивающие небо. Можно передохнуть. Вновь она станет сама собой, а по натуре своей она не создана для трагедий и жестоких потрясений. Нет, она не могла играть героические роли, какие вошли в моду у ее современниц. Она была простушка и не обладала стойкостью древних римлянок.

Покачивание кабриолета убаюкивало, Лидия закрыла глаза; для нее вновь начиналась жизнь, вновь обрела она душевный покой. Сладостную дремоту пронизывали воспоминания, недавно пережитое затмевало память о прошлогодних событиях. В самом деле, какими убогими представлялись теперь прежние денежные заботы, налог на жалованье, казавшийся молодым супругам сущей катастрофой, и даже многократно испытанная тревога, то и дело возникавшее опасение, что Флорана из национальной гвардии пе-

реведут в императорскую армию. И разве могли идти в сравнение бедствия первого иностранного вторжения с ужасами второго нашествия и бывшие несчастья с мучениями трех последних недель войны.

В мае Флоран потребовал, чтобы Лидия уехала с детьми из Парижа. Нигде, говорил он, не найти им более надежного убежища, чем у нее на родине, в Ланже, в кругу ее семьи: у папаши Флуэ, скромного коммерсанта, был дом в этом городке.

Лидия поселилась там, жила, терзаясь всякими страхами, ни на шаг не отпуская от себя своих дочек. Мучительные дни!.. Вестей или совсем не было, или они приходили такие искаженные!.. Дни полного неведения, томительного ожидания... Люди подолгу стояли на перекрестках улиц, на краю дорог, подстерегая слухи... И вдруг появились первые телеги перепуганных крестьян, погрузивших на возы детей, стариков родителей вместе с самыми ценными обитателями птичьего двора и домашним скарбом. Они ехали не останавливаясь, замороженные одной-единственной мыслью — уйти за Луару, и долгие летние дни благоприятствовали этому переселению. Горожане бежали за возами, спрашивали: «Вы откуда?» — «Из Марли, из Версаля, из Шатийона. Наши дома горят». — «А в Париже как?» — «Париж окружен». И когда беглецы уже отъезжали далеко, люди все еще стояли, застыв на месте, по-прежнему томясь неизвестностью. Лидия ломала себе руки. Париж! Флоран!.. Прошло еще несколько мучительных дней, и по дорогам хлынула армия — рокочущая, бессильная, полная отчаяния орда. Не армия побежденных, и даже не полчища беглецов, а просто расформированная армия.

Защитники родины возмутились, не желая принять перемирия, на которое соглашался маршал Даву, и они стали нежелательными, их выгнали из Парижа, выслали за Луару, потому что правительство должно было очистить столицу перед тем, как сдать ее союзникам. Солдаты подчинились приказу и шагали теперь по дорогам. Лидия видела их отступление, люди проходили перед нею, озаренные веселым светом солнца, и громко кричали о предательстве. Все погибло.

Однако конец еще не наступил. Французские войска перешли Луару, заняли позиции на левом берегу реки. Но вслед за ними вскоре появились пруссаки, и население попряталось по домам. В щели между планками решетчатых ставен Лидия видела, как неприятель заполонил улицы городка, растекается по окрестностям и разбивает лагерь на правом берегу Луары. Ему теперь принадлежал и Ланже, расположенный у самой реки, но на той стороне, где находились пруссаки. Сколько это принесло смутения и панического страха. Безжалостные победители сразу дали почувствовать свое владычество. То тут, то там пламя пожара пожирало разграбленный дом, где еще трепетала в агонии на окровавленном ложе изнасилованная и зарезанная девушка... В безумном ужасе люди искали спасения у матери природы. Однажды ночью Лидия с маленькими своими дочерьми и ее родители крадучись вышли из дому и убежали в лес. Они оказались там не одни. Множество крестьян собралось в лесной чаще, как-то организовались, и несчастная человеческая стая вела там существование затравленных зверей.

Наконец тревога как будто улеглась. Беглецы, укрывшиеся в лесу, ободрившись, выбирают на опушку, смотрят, что творится в долине Луары. Но что это?! Вновь раздаются вопли ужаса, вновь пылают пожары — это бесчинствуют роялисты. В порыве верноподданнических чувств они режут и грабят население. Люди снова прячутся в лесную глушь.

Но вот Лидию разыскал нарочный и представил ее ей. Гонца прислал к ней Флоран. Слава богу, стало быть, он жив!.. Но что ж он пишет? В Париже спокойно. Флоран настоятельно просит жену вернуться и привезти с собою детей. Лидия, не колеблясь ни секунды, решила расстаться с родителями. Только захватила с собою в качестве няни для своих девочек деревенскую девушку, дочь старой служанки госпожи Флуэ. Живо взяли напрокат фургон, наняли возницу, и Лидия уехала. Из столицы она бежала в провинцию, а теперь из провинции бежала в столицу.

Перегон за перегоном она все ближе подвигалась к Парижу. И на ее глазах страна принимала все более мирный вид. Она въехала в столицу, которую наводнили иностранные войска, но тут безопасно было ходить и ездить по улицам, и лавки не были заперты, а женщины по-прежнему носили перкалевые платья и шляпки а-ля Памела.

Дом ее не был разрушен, фасад остался нетронутым. Лидия вошла в ворота, поднялась по лестнице. Сердце у нее колотилось. Квартира оказалась занятой тремя австрийцами, но мебель стояла на своих местах. И на столе ее ждало письмо от Флорана. Так, значит, и для него, и для нее это жилище еще было их семейным пристанищем! Она распечатала письмо

и помчалась в лагерь, указанный мужем. Вся в слезах, она бросилась ему на грудь. Он жив. Он обнимает ее! Он даже не ранен!.. Миновали, канули в прошлое черные дни.

Но через какие испытания довелось пройти самому Флорану? Он обо всем рассказал. Его злоключения были довольно необычны. Год тому назад, в марте, меньше чем через сутки после того, как он под командой маршала Монсея защищал заставу Клиши, ему пришлось, как только казаки вступили в Париж, регулировать, по согласованию с ними, движение на улицах. На этот раз судьба сделала еще более крутой поворот. В понедельник батальон Флорана, находясь в деревне Обервиле, стрелял в пруссаков, подходивших к Парижу, а в среду, еще покрытый кровью, пролитой в этом сражении, батальон получил приказ охранять столицу от французов — тех самых солдат, которых Лидия видела в Турени, когда они шагали по дороге, немного присмирив от дальнего пути и усталости; теперь их надо было сдерживать, зная, что они вне себя от негодования, заставить их пройти по Внешним бульварам из опасения, что это шествие в центре города окажет зловерное влияние; их изгоняли из тех кварталов, куда им удалось прорваться, по ним открыли огонь в предместье Сен-Мартен, на бульваре Тампль, у Нового моста и около Одеона.

Однако новое правительство еще не распустило по домам национальную гвардию, опору порядка среди бурных событий. Не так-то скоро квартирка Флорана и Лидии вновь станет мирным приютом, гнездышком любви. Сейчас она имеет иное назначение. В ней всего три комнаты — две большие и одна ма-

ленькая, да гардеробная, но расположены они на антресолях нового дома в прекрасном районе — на углу улицы Сент-Круа и улицы Жубера; окна глядят на небольшую площадь, на которую выходит задняя стена Бурбонского коллежа. Выигрышное расположение и послужило причиной реквизиции квартиры и размещения в ней трех унтер-офицеров оккупационной армии. Жаловаться на это не приходилось: могли попасться жильцы и похуже австрийских унтер-офицеров.

Все же присутствие победителей, по-хозяйски расположившихся в их доме, создавало тяжелую атмосферу; весьма чувствительны были также и расходы на питание постояльцев и уход за ними, это стоило куда больше, чем отпускаемое пособие для «возмещения убытков» в размере пятидесяти су в день. А главное, Лидия страдала от необходимости жить бок о бок с грубыми солдафонами, тем более что девочки ее были в нежном возрасте, их так легко напугать, а нервы их и без того расшатаны всем пережитым, приходилось опасаться и за молоденькую цветущую служанку, и, наконец, за самое себя: ведь муж не часто бывал дома.

Лидия с детьми и служанкой не выходила со своей половины — большой комнаты и прилегающей к ней гардеробной. Остальные комнаты они предоставили в полное распоряжение непрошенных гостей. Уходя из дому, Лидия всегда брала с собою дочерей или же посылала их с няней в какое-нибудь безопасное место, где им нечего было бояться. Хотя внешне поведение троих австрийцев нисколько не походило на те картины, которые врезались в память Лидии,

лучше было не искушать дьявола, оставляя в их власти невинных девчуток под охраною одной лишь Батистины, девушки преданной и смысленной, но такой свеженькой, миловидной в деревенском своем чепчике и очень еще молодой — ей шел двадцатый год.

Итак, из дому выходили все вместе. Ключи отдавали соседке, жившей на том же этаже, некой Рамело, женщине пожилой и много повидавшей на своем веку, свидетельнице Революции; уж ей-то трое австрийцев не могли внушить страха.

Вот такая жизнь ждала Лидию на улице Сент-Круа. Жизнь во многих отношениях горькая по сравнению с прошлым, жизнь чудесная после тех страшных недель, которые ей пришлось пережить. Прошло немного времени. Лидия опять взялась за воспитание дочерей, которое она поневоле запустила, принялась также школить Батистину. Иногда под вечер прибегал Флоран, но ни разу не мог остаться переночевать. Нередко Лидия и сама навещала его в батальоне.

Наконец настала долгожданная минута. Однажды утром, в ранний час, еще до рассвета, Лидия вдруг проснулась. Отогнав страшные видения, ее пробудил такой знакомый звонок у входных дверей. Несомненно, пришел Флоран. Она выбежала в ночной сорочке, закутавшись кое-как в шаль.

— Дорогая Лидия, мне дали отпуск. И, возможно, меня уволят вчистую.

Он сказал это с замечательным своим хладнокровием, и тут только жена заметила, что на нем штатское платье, а не мундир, в котором она столько раз видела его во сне смертельно раненным, истекаю-

щим кровью. Она стала упрашивать его отдохнуть, переодеться в халат. Напрасные слова — он сразу же приступил к житейским делам.

— Душенька, ведь это первый день я свободен с тех пор, как ты приехала в Париж. Выпей чашку шоколада, оденься, и мы с тобой пойдем в церковь к ранней обедне. А потом я повезу тебя на кладбище Мон-Луи. Меня уведомили, что наш мавзолей закончен.

И они отправились. Оборванную нить существования они связали крепким узелком в самой сердцеvine опустошенной страны. Семейные традиции уцелели, несмотря на поражение, — они оказались более долговечными, чем целые армии. Мавзолей, о котором мог только мечтать Буссардель-старший, отец Флорана, перед тем, как отойти в лучший мир, теперь был воздвигнут, высился стройный и прочный среди развалин земной юдоли.

Флоран Буссардель дотронулся до руки своей жены, она не заметила этого, он сжал ей запястье.

— Приехали! — сказал он.

Извозчик пустил лошадей шагом; заняв место в веренице экипажей, кабриолет подкатил ко входу в сад Тюильри.

Лидия открыла глаза, увидела улыбающегося Флорана и спрятала лицо у него на плече, радуясь, что теперь уже всегда оно будет ей опорой.

— Я задремала. Извини, пожалуйста... Ведь я нынче встала очень рано.

Совсем очнувшись, она осмотрелась, увидела, где они находятся и кто на них смотрит. Тотчас же она выпрямилась как подобало и поправила ток. Но,

должно быть, какие-то обрывки сновидений еще не изгладились из ее памяти, ибо она добавила грустным тоном:

— Боже мой! Вот так бы, кажется, спала и спала... Целые месяцы спала бы.

— Бедненькая моя! — сказал Флоран.

III

Детей разыскали без труда. Лидия сказала няне, в какой части сада они должны играть, не выходя оттуда. Она хорошо знала Тюильри. Хотя ей уже целый год не приходилось бывать здесь, она полагала, что события не очень изменили вид этого парка и привычки его завсегдатаев; люди, любившие там прогуливаться, вероятно, опять завладели парком. И она не ошиблась в своих предположениях. Тем более что оккупационные войска очистили Тюильри: в конце июля ушел корпус графа фон Зитцена, расположенный здесь на бивуаках, а гвардия прусского короля, сменившая его в Париже, нашла себе более удобное место для стоянки. На золоченых пиках дворцовой решетки уже не сушилось выстиранное белье пруссаков. Тюильри вновь стал прежним Тюильри, то есть прекрасным садом, где каждый находил то, что ему нравилось, и где легко было избегать простонародья и бесстыжих женщин, для чего не следовало только заглядывать в некоторые уголки.

— Гуляйте между дворцом и той красивой аллеей, что идет к реке, — приказала Лидия няне.

Батистина, конечно, не посмела послушаться хозяйки. Вдруг она увидела, как девочки, вырвавшись

Литературно-художественное издание
Эдеби-көркем басылым

СЕРИЯ «ВСЕ СЧАСТЛИВЫЕ СЕМЬИ»

ЭРИА ФИЛИПП
СЕМЬЯ БУССАРДЕЛЬ

*Ответственный редактор М. Смыслова
Художественный редактор А. Дёмочкина
Технический редактор Л. Синицына
Корректоры В. Алексина, О. Левина
Компьютерная верстка Е. Днепров*

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 12.12.2024.
Формат 84×108 ¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Spectral».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 40,32.
Тираж 3000 экз. Т-АНФ-35818-01-Р. Заказ №

Изготовитель:
ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» —
обладатель товарного знака АЗБУКА
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ
Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191024, г. Санкт-Петербург,
ул. Херсонская, д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Өндіруші:
«Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» ЖШҚ —
АЗБУКА тауар белгісінің иесі
115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский
муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қаласындағы
«Азбука-Аттикус» Баспа Тобы ЖШҚ
филиалы
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14-үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

